

ЕСТЬ ЛИ У ТВАРДОВСКОГО СТИХИ О ЛЮБВИ

© 2008 Р.М. Романова

Так уж повелось, что критики, литературоведы да и собраты по перу раз и навсегда причислили Твардовского к поэтам без стихов о любви. “Твардовский был редким большим поэтом без стихов о любви. Но вся его поэзия была исповедью в мучительной любви к своему народу” [2, 521]; “О любви – строчки нет” [4].

Если с констатацией того, что поэзия Твардовского “была исповедью в мучительной любви к своему народу” нельзя не согласиться, то заключение, что Твардовский – “поэт – без стихов о любви”, позволим себе поставить под сомнение.

Прижизненное пятитомное собрание сочинений поэта открывает стихотворение “В глуши”:

*До заморозка в город не пробиться
Сквозь неживой болотный полукруг.
Как редко залетающие птицы,*

Доходят письма из любимых рук... (Выделено нами. – Р. Р.)

В 1927 году Твардовский написал стихотворение “Невеста” (“Юный товарищ”, 1927, 18 мая), через девять лет переработанное и опубликованное в ином расширенном варианте в газете “Рабочий путь” (1936, 28 августа):

*Мы с тобой играли вместе,
Пыль топтали у завалин.
И тебя моей невестой
Все, бывало, называли.*

*Мы росли с тобой, а кто-то
Рос совсем в другом краю
И в полгода заработал
Сразу всю любовь твою...*

*Вся ты им живешь и дышишь,
Вся верна, чиста, как мать.
Ничего тут не напишешь,
Да и нечего писать...*

*Пусть он смелый,
Пусть известный,
Пусть еще побьет рекорд,*

*Но и пусть мою невесту
Хорошенько любит,
Черт!*

Нарочито грубоватая безыскусно лукавая концовка невольно напоминает известные с юности более возвышенные строчки:

*...Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам бог любимой быть другим
равно, как и написанные спустя более века
нашим современником:*

*...Да будет мужественным
твой путь,
да будет он прям
и прост.
Да будет во мгле
для тебя гореть
звездная мишура,
да будет надежда
ладони греть
у твоего костра...
Да будет могуч и прекрасен
бой,
гремящий в твоей груди.*

*Я счастлив за тех,
которым с тобой,
может быть,
по пути.*

(И. Бродский «Прощай, позабудь...», 1957).

В стихах Твардовского неожиданные встречи напоминают о своем, потаенном, глубоко интимном:

*...Девчонка стоит у колодца,
Она обернется, я знаю,
И через плечо улыбнется,
Гребенку свою поправляя.
Другая мне девушка снится,
Но я не боюсь порицанья:
Спасибо и вам, озорница,
За ваше вниманье,*

а иные отсылают к широко известным сюжетным зарисовкам XIX века. Так, к примеру, строки стихотворения “Шофер”:

*...И девчонка у колодца
Скромный делает кивок.
Журавель скрипит и гнется,
Вода льется на песок.*

*Парень плавно, осторожно
Развернулся у плетня.
- Разрешите, если можно,
Напоить у вас коня.*

*Та краснеет и смеется,
Наклонилась над ведром:
- Почему ж? Вода найдется.
С вас и денег не возьмем
Где-то виделись, сдаётся?.. -
А вода опять же льется,
Рассыпаясь серебром...*

*На околице воротца
Открывает старый дед,
А девчонка у колодца
Остается,
Смотрит вслед:
Обернется или нет?..*

Что это? Зародившаяся симпатия, предвкушение любви или любовь с первого взгляда? Стоит прочесть эти строки, как тут же всплывают в памяти:

*Помню, я еще младешенька была.
Наша армия в поход далекий шла.
Вечерело. Я стояла у ворот,
А по улице все конница идет.
Тут подъехал ко мне барин молодой
- Угости, напой красавица водой.
Он напился, крепко руку мне пожал,
Наклонился и меня поцеловал.
Долго я тогда смотрела ему вслед,
Помутился предо мною белый свет.
Всю—то ноченьку мне спать было невмочь.
Раскрасавец барин снился мне всю ночь...*

Тема любви, первого светлого юношеского чувства затронута Твардовским в стихотворениях “На свадьбе”, “Здравствуй, сверстница и тезка...”, “Размолвка”, “Соперники”. Однако не следует думать, что любовь в лирике Твардовского всегда безоблачна. Отнюдь нет. Ничто человеческое ей не чуждо, в том числе и разлука:

*...Поперек реки широкой
Был проложен путь прямой.
Той дорогой, той дорогой
Я ходил к тебе зимой...*

*Выйду, выйду напоследки,
Ой, как воды высоки,
Лед идет цепочкой редкой
Серединою реки.*

*Высоки и вольны воды.
Вот пройдет еще два дня -
С первым, с первым парходом
Ты уедешь от меня.*

(“Ледоход”)

В поэзии Твардовского мы не найдем бурных страстей “на разрыв аорты”, нам и в голову не придет представить себе, чтобы лирический герой Твардовского обратился к любимой им девушке со словами: “Сто раз целуй меня и тысячу, и снова // Еще до тысячи, опять до ста другого, // До новой тысячи, до новых сот опять”. Ссоры и примирения происходят не столь мучительно и бурно, как у героев Горация. Никаких мучительных страстей в поэзии Твардовского мы не встретим, нет у него и душераздирающих сцен расставания.

*Мы на свете мало жили,
Показалось нам тогда,
Что на свете мы чужие
Расстаемся навсегда.*

*Ты вернулась за вещами,
Ты спешила уходить
И решила на прощанье
Только печку затопить.*

*Занялась огнем береста,
И защелкали дрова,
И сказала ты мне просто
Дорогие мне слова.*

*Знаем мы теперь с тобою,
Как любовь свою беречь.
Чуть увидим что такое -
Так сейчас же топим печь.*

“Топим печь” отнюдь не означает топки печи в буквальном смысле этого слова. Не о “занявшейся огнем бересте” и “шелкающих дровах” речь. Скорее всего, поэт пишет о “потаенном сердечном тепле” (М. Петровых), незримой нитью связывающем две любящие души.

Поэзию Твардовского, стихи о любви особенно, “отличает удивительно целомудренное, бережное отношение к женщине” [3, 65]. Характерная ее черта, свойственная, пожалуй, только Твардовскому, — последнее, решающее слово остается всегда за женщиной (“И сказала ты мне просто // Дорогие мне слова”).

Особенно наглядно эта черта проявлена в двух его стихотворениях: “Я взволнован. Вот и

снова...” и “Звезды, звезды, как мне быть...”. Поскольку первое из них относится к числу малоизвестных, позволим себе процитировать его полностью:

- Я взволнован. Вот и снова
Мы одни с тобой в саду.
Твоего опять я слова,
Твоего ответа жду.

- Я б могла тебе ответить,
Но не в том, пожалуй, суть.
Без меня-то жить на свете
Ты ведь можешь как-нибудь?

- То есть как так жить? Известно,
Перед жизнью все в долгу.
Жизнь бесценна и чудесна.
Жить, понятно, я могу.

- И прекрасно. Так чего же
Ты хотел еще, дружок?
И живи себе, раз можешь.
Вот когда б ты жить не мог...

- Ну, а если б я ответил.
Если бы сказал я: да,
Не могу, мол, жить на свете,
Умираю. Что тогда?

А тогда бы, верь мне, милый,
Говорю тебе, не лгу:
У себя бы я спросила —
Как, мол, я-то? Жить могу?

Не менее категоричным вердиктом со стороны героини заканчивается и стихотворение “Звезды, звезды, как мне быть...”:

...Полюбите так меня,
Чтоб вам трудно стало.

Чтобы не было для вас
Все на свете просто,
Чтоб хотелось вам подчас
Прыгнуть в воду с моста.

Чтоб ни дыма, ни огня
Вам не страшно было.
Полюбите так меня,
Чтоб я вас любила.

Не обойдена тема любви Твардовским и в поэмах. В семнадцатой главе Страны Муравии” читаем:

Молодым — любовь да счастье,
На поре невеста-дочь.

По двору Васек и Настя
Провожаются всю ночь.

Проведет он до порога:
- Ну, прощай, стучись домой.
- Нет, и я тебя немного
Провожу, хороший мой.

И доводит до окошка:
- Ну, прощай, хороший мой.
- Дай же я тебя немножко
Провожу теперь домой.

Дело близится к рассвету,
Ночь свежееет — не беда.
- Дай же я тебя за это...
- Дай же я тебя тогда...

Поэму “Василий Теркин” поэт писал “среди большой войны жестокой”, “в тяжкий час земли родной”. До любви ли, когда “бой идет святой и правый. // Смертный бой, не ради славы, // Ради жизни на земле”? До любви, потому как без любви не будет и жизни на земле.

То была печаль большая,
Как брели мы на восток.

Шли худые, шли босые
В неизвестные края.

Что там, где она, Россия,
По какой рубеж своя!..

Командир шагал угрюмо,
Тоже, исподволь смотрю,
Что-то он все время думал, думал...

- Брось ты думать, говорю.
Говорю ему душевно.
Он в ответ и молвит вдруг:
- По пути моя деревня.
Как ты мыслишь, политрук?..

Тут какой бы ни был строгий,
А сказал бы ты: “Зайдем...”...

А пришли туда мы поздно,
И задами, коноплей,
Осторожный и серьезный,
Вел он всех к себе домой...

Дети спят. Жена хлопочет,
В горький грустный праздник свой,
Как ни мало этой ночи,
А и та — не ей одной...

Напоила, накормила,
Уложила на покой...

Кончив сборы, разговоры,
Улеглись бойцы в дому.
Лег хозяин. Но не скоро
Подошла она к нему.

Тихо звякала посудой,
Что-то шила при огне.
А хозяин ждет оттуда,
Из угла.
Неловко мне.

Все товарищи уснули,
А меня не гнет ко сну.

Дай-ка лучше в карауле
На крылечке прикорну...
(“Перед боем”)

Не отправиться ли и нам вслед за страдающим бессонницей бойцом, вспомнив по пути строки отнюдь не пуританского римского поэта:

Муза, остановись перед порогом Любви!
И без тебя у них потекут торопливые речи,
И для ласкающих рук дело найдется легко...

Есть в поэме и отдельная глава, так и озаглавленная: “О любви”: «...Дорогая Машенька, вчерашнего дня ждал с волнением. Решил сделать тебе подарок – написать тебе специальную главку “Теркина”. Глава получилась хорошая, так, по крайней мере, говорят все, так и самому кажется. Я спешил с ней, хотелось прочесть ее вечером 28-го⁵, когда ты так или иначе была бы дома, может быть, у тебя кто-нибудь был бы, и вдруг бы ты услышала эту главу – “О любви”. Но человек предполагает, а редактор располагает. Главу не успели пропустить через инстанции. Пришлось читать старое» [1, 163].

“На днях читал по радио последнюю главу – она не только посвящена тебе, но и родилась из мыслей о тебе. Читал ее с большим волнением, как будто ты сидела напротив стола...”⁶:

Всех, кого взяла война,
Каждого солдата
Проводила хоть одна
Женщина когда-то.

Не подарок, так бельё
Собрала, быть может,
И что дальше без нее,
То она дороже...

Взгляд последний этих глаз,
Что забудь, попробуй.

Обойдись в пути большим,
Глухой славы ради,

Без любви, что видел в нем,
В том прощальном взгляде...

Да, друзья, любовь жены, -
Кто не знал, - поверьте, -
На войне сильнее войны
И, быть может, смерти...

Жены думают, любя,
Что иное слово
Все ж скорей найдет тебя
На войне живого...

В первой публикации (“Красноармейская правда”, 1943, 5 февраля) и последующих перепечатках глава печаталась без посвящения. Следует, кстати, заметить, что у Твардовского, за исключением двух коллективных (“Сто двадцать третьей ордена Ленина дивизии посвящается” и “Танковому экипажу братьев Пухолевич”), стихов с посвящением нет, хотя иные и имели своего адресата. Чтобы не быть голословными, позволим себе небольшое отступление.

23 июля 1965 года в редакции журнала “Новый мир” отмечалось 60-летие М. А. Лифшица⁷. «23.VII.65. Сегодня “водосвятие” в честь Михаила Александровича Лифшица – ему 60 лет. Собрались в редакции в 5 часов – сначала было натянато, потом разошлось. А. Т. прочел очень недурные стихи, которые, как он вспомнил, были у него в тетрадке – он посвятил их М. А.»⁸. Имеется в виду стихотворение “Есть книги – волею приличий...”. Подаренный М. А. Лифшицу вариант несколько отличался от канонического, но в публикациях никакого посвящения ему предпослано не было⁹.

И, наконец, поэма “За далью – даль” с главой “Москва... в пути”, в первой публикации (“Правда”, 1956, 3 июня) озаглавленной “Молодожены”:

... Читатель, может быть, припомнит
Молодоженов-москвичей,
Что в стороне держались скромно,
Дорогой заняты своей,
Своей безмолвною беседой
Про тот, наверно, край земли,
Куда они впервые едут
В составе собственной семьи.

Занятых собой молодоженов, “рука с рукой – по-детски мило” стоящих у вагонного окна, вряд ли занимает суетный мир вагона:

... Они у крайнего окна
Стоят посередине мира -

Он и она,
Муж и жена.

*Своя безмолвная беседа
У этой новенькой четы...*

(“Литературный разговор”)

После всего вышесказанного, трудно согласиться, что у Твардовского “о любви – строчки нет”. Есть, и не одна. Нет у него иного: откровенно эротических сцен, подглядывания в замочную скважину, смакования того, что является достоянием только двоих. Он всегда вовремя оставляет возлюбленных наедине.

И в этом он – прямой продолжатель традиций “святой русской литературы” (Томас Манн), имеющий полное право предпослать своим стихам о любви строку Лермонтова:

*“... есть во мне к стыдливости вниманье”
 (“Сашка”)*

ЛИТЕРАТУРА

1. Александр Твардовский. “Я в свою ходил атаку...” Дневники. Письма. 1941–1945. – М.: Вагриус, 2005.
2. Евтушенко Е.А. Строфы века. Антология русской поэзии / Е. А. Евтушенко. – Минск, 1995.
3. Никонова Т. А. Женщина в художественном мире А. Твардовского. / Т. А. Никонова // А. Т. Твардовский и русская литература: Сб. науч. работ, посвященных 90-летию со дня рождения А. Т. Твардовского: Мат-лы конференции. – Воронеж: Полиграф, 2000.
4. Савостин Н. “В раздумьях о Твардовском” / Н. Савостин.